

А вдруг и моя правда, как
некоторые не прозвучавшие во-вре-
мя стихи Бродского, — уже вчераш-
няя?

О. Бешенковская
Волки и кролики.

ПРЕДИСЛОВИЕ 1985 ГОДА.

Эта рецензия на статью О. Бешенковской "Волки и кролики" была написана по горячим следам публикации ^{х)}, но затерялась при разъезде соавторов, вместе с объемистой купой черновиков и рукописей. Ныне она счастливо обнаружена, с большим неудовольствием перечтена /за прошедшие годы интересы авторов заметно сместились/, частично сокращена — и предлагается вниманию читателей.

ПРЕДИСЛОВИЕ 1981 ГОДА.

В последнее время нередко приходится слышать — вполне справедливые — сетования на отсутствие литературной критики. Величественные имена Писарева и Добролюбова почему-то не вдохновляют бросить испытующий взгляд на "перлы и адаманты" российской словесности. И дело не только в отсутствии добровольцев, готовых взвалить на себя бремя неудобноносимое, но и — что гораздо хуже — в неспособности современных писателей /в т.ч. неофициальных/ и читателей /в т.ч. официальных/ правильно представить себе общественную функцию критика. Со школьных лет усвоили мы, что

х) О. Бешенковская, Волки и кролики, "ЧАСЫ", № 33 /1981/, опубликована в отрывках. В ряде мест рецензии использован полный текст статьи.

задача положительной критики состоит в том, чтобы на пол-корпуса опередить вручение ордена маститому литератору /предвидение/ или включить "зеленый свет" молодому /регулировка/. Задача отрицательной критики — еще проще: сведение личных счетов или "неофициальная разведка официального погрома".

Эта незатейливая схема /с соответствующими коррективами/ равно владеет умами как официалов, так и неофициалов. Хотя последним, казалось бы, не о чем волноваться. Орден им все равно не дадут /даже один на всех/, печатать все равно не будут /ближайшие 50-60 лет/, да и отрицательный отзыв не страшен: неприятностей он не предвещает и является всего лишь мнением партикулярного человека, к коему не грех и ~~шпиону~~ прислушаться. Увы, увы! Дурные привычки въедливы — в положительном отзыве не — о ф и ц и а л ь н о г о критика о н е о ф и ц и а л ь н о м литераторе по-прежнему видят "возвышение своих", в отрицательном — личное оскорбление, а то и донос.

В результате работа критика оказывается занятием не только неблагоприятным, но и бессмысленным. И останется таковым до тех пор, пока не будет восстановлено здоровое отношение к критику как к п р о с в е щ е н н о м у ч и т а т е л ю, который исходит в своих оценках из определенных эстетических и нравственных критериев, а не из корысти, панибратства или зависти.

ВОЛКИ И КРОЛИКИ

... Поясним, во избежание недоразумений, с самого начала, что постоянно упоминаемое в рецензии имя О. Бешенковской имеет к автору статьи "Волки и кролики" лишь косвенное отношение. Зачастую мы имеем в виду не автора во плоти и даже не высказанные им взгляды, а скорее некий "идеальный тип", который слегка намечен в статье, но не редко встречается и за ее пределами.

... Начнем с названия, прогибающегося под тяжестью семантики. Волки и кролики. Кто они, эти серые геральдические звери? Отечественный структуралист подскажет, что

кролик — явный медиатор, — п о с р е д н и к. Не зря ведь издатель "ПЛЕШОЯ", поставленный в тупик неприязнью одной половины человечества к кошкам, а другой — к собакам, избрал эмблемой журнала кроткого кролика. На нем вкусы человечества сошлись, а структуралисты получили в подарок длинноухого медиатора под мировой елочкой. Но есть у медиатора и другой перевод: п о с р е д с т в е н н о с т ь, бездарность; именно им и воспользовалась Бешенковская.

К р о л и к и — э т о /в ницшеанском духе/ серость, толпа, чернь, мещанство; в более узком смысле — члены Союза писателей, завсегдатаи булгаковского Грибоедова. В о л к — напротив, человек вольный, поэт неангажированный, лирическая индивидуальность; по замыслу автора он противостоит кроликам и противоборствует им. К сожалению /традиционная проблема положительного героя/ волк в статье очерчен весьма вялыми штрихами, и о нем приходится не столько узнавать, сколько догадываться, отталкиваясь от отрицательных кроликов. Кое-что, впрочем, известно из басен, этологии, песен Высоцкого. Помогает и вездесущий структурализм с бинарными оппозициями:

ВОЛК	КРОЛИКИ
большой	маленькие
дикий	домашние
бескорыстный	корыстные
духовный	бездуховные
умный	глупые
плотоядный	вегетарианцы
одинок	стадные

и т.д.

Из духа бинарных оппозиций мы реконструируем более точное название статьи: "ВОЛК и кролики", и обращаем внимание, что оговорка с множественным числом у Бешенковской не случайна, как не случаен и общий серый цвет конфронтирующих четвероногих оппозиционеров.

О кроликах в статье говорится долго, эмоционально и изобретательно. Так долго, что порой берет оторопь: не

из кроликов ли единых составлен тварный мир? Словно в шляпе безумного фокусника, все и вся превращается на наших глазах — в кроликов. Одно перечисление их атрибутов /в том числе главного — серого цвета/ заняло бы не меньше страницы. Приводим сокращенный список:

Серое существо, иерархия серых, самое яркое по серости, оттенки серости, почти голубая серость, серая как обложка, спыление серостью, ультрасерый, серое в яблоках, серятина, серые тельца в крови, серость прет косяком, серорубашечный, серые товарищи по ремеслу, крайняя серость, серая ясность, голубая и розовая серость, серый горизонт, киш серо-клубничный список и т.д.

Автору не откажешь в поэтическом таланте: фонетическая упругость, драматическая игра слов, узлы аллитераций — вполне в стиле Цветаевской прозы. Что и утомляет. Кроличьи предикаты непрерывно громыхают на стыках статьи, порой по 5-7 на страницу. Доведенный до поэтической зернистости, текст то ошеломляет, то выводит из терпения, вызывая в памяти и получасовой тоннель из "Соляриса", и ртутки массовой информации, с унылым постоянством вбивающей в сознание просвещенной публики два-три ключевых слова.

НИЦШЕ И КРОЛИКИ

Без Ницше и еще нескольких имен любые рассуждения о серости и мещанстве будут выглядеть как-то куце. Попробуем набросать гипотетическую родословную л и р и ч е с к о - г о и н д и в и д у а л и з м а Бешенковской, с его максималистской неприязнью к среднему человеку и обоготворением героев и гениев: Ницше-Штирнер-Достоевский /отцы-основатели/, Бальмонт-Цветаева-Бердяев /эгоизм серебряного века/, Ремарк-Хемингуэй-Экзюпери /военное братство 30-40-х годов/, Эрль-Арцбашева-Берг /современные эпигоны-девианты/.

Не знаем, как возросло и укрепилось ницшеанство Бешенковской — из книжного ли знакомства, из поэтических ли рецепций /Цветаева и пр./, из психологического ли сродства — да это и неважно. Важен сам факт — и вытекающие из него последствия /гигантомания, мизантропия, жажда гражданской

войны/.

К сожалению /или к счастью?/, нынешнее время не позволяет нищему развернуться во весь размах плаща. И он поневоле мельчает, довольствуется кухонными сплетнями и уличными склоками: какого цвета икру едят члены СП, кто сколько получает, каким тиражом печатается, во что одет. Каковы кролики, таковы и волки.

НЕ ДОДАЛИ.

Кого же, если подумать, характер распределения икры может волновать настолько, чтобы стать предметом пространного описания и темпераментных проклятий? Не того ли, предположим простодушно, кому эту икру, говоря словами Е. Шиффера, **н е д о д а л и**?

Атмосферой "не додали" пропитана вся статья Бешенковской. Ее герой — несправедливо обиженный, заслуживший и не получивший, непризнанный герой-изгой, дитя перед буфетом с запертым вареньем. Таково его пассивное, индивидуальное лицо. Оно же в активной гримасе: агрессор и мститель за поруганного самого себя.

Обиженный тем, что ему "не додали", лирический индивидуалист Бешенковской объявляет войну всем, кому додали /в первую очередь — ресторану Грибоедова/, а заодно втягивает в эту войну ближних. И вот у баррикады им. Грибоедова толпятся две армии, в галошах, шляпах и очках: одни осаждают, другие защищают — или наоборот? В пылу сражения не разобрать. О боги, боги, как скучно нам! Неужели, кроме баррикадных боев, поэту нечем заняться? Так и хочется взять мегафон и произнести строгим голосом: "Гражданка Бешенковская! Немедленно сойдите с баррикады. Вас ожидают дома". Есть крепости, которые не взять осадой; зато их можно обойти.

Несмотря на затрагиваемую поэтическую тематику, статья — совсем не о поэзии. Красочно-призрачный слой поэтических имен без труда шелушится, обнажая под собой плотную психо-социо-политико-бытовую древесину. Конечно, и о ней можно поговорить, но признаемся, мы с большим интересом выслушали бы от поэта Бешенковской что-нибудь о поэзии. Но в России

поэтам, кажется, до всего есть дело, только на поэзию времени не хватает. То коррупция, то реакция... а муза может и подождать. Невольно всплывают в памяти старинные слова: яростная критика толстосумов, позор власть имущим, обобществление мироедов, гражданином быть обязан...

Картина несколько прояснилась: по одну сторону — бедный голодный волк, по другую бесчисленные стада орды кроликов, не дающие волку на угрызение ни себя, ни капусту. Сжатие до пределов строки, самочувствие автора выглядит так: "Я хочу, а вы не даете". Или в других вариантах: "Я хороший, а вы плохие", "Я гений, а вы меня не признаете", "Я поэт, а вы меня не печатаете". Во всех вариантах угадывается одна и та же инфантильно-инфантильная психология, сублимируемая в философию избранничества. Произрастающее на почве этой философии лирическое Я быстро теряет гибкость, утрачивает способность к контакту и милосердию, отворачивается от объективности — и в конечном итоге обретает две устойчивых формы самовыражения: конфликт с "чужими" и поглощение "своего".

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА.

Запутанный узел, составленный из жила избранничества, психологической ущемленности, мстительности и вовлеченности в социальную жизнь — идеальная стартовая колодка для гражданской войны /неважно, "горячей" или "холодной"/. Сначала автор запугивает нас невыносимо-удушающей действительностью. Здесь и безвыходность замкнутого круга, и "задушенные в младенцах потенциальные мастера" и много других ужасов. Затем выявляются демоны-душители. Это, естественно, кролики — серые карлики, грозные своей прожорливостью и неисчислимостью. И наконец, заперев все двери и умножив отчаяние до невыносимого, автор в последнюю минуту подсказывает выход: гражданская война! Только она поможет праведным волкам уничтожить носителей зла — и, в свой черед, восторжествовать. К сожалению "Катехизис кроликоборца" разработан у Бешенковской довольно слабо, хотя некоторые общие установки, вроде "чем хуже, тем лучше", имеются.

Военные симпатии автора видятся на трех моментах — психологии агрессивности, защите "высокого искусства", борьбе за личное первенство. Интерес Бешенковской к офицерству и армейской тематике постоянен. Ее главные герои — в о и — н ы /белые офицеры, красные комиссары, валькирии, георгиевские кавалеры, пугачевцы/, мирный же человек ненавистен /по определению/, и автор искренне скорбит о том, что "война красных и белых завершилась диктатурой серых". Состояние длительного мира прискорбно, мучительно, невыносимо: путается под ногами огромное серое стадо, и не разобрать толком, где волки, а где кролики. Невозможно больше терпеть: хорошая война лучше худого мира.

Схема гражданской войны проецируется Бешенковской на поэзию, которая превращается в антагонистическую вражду "первой" и "второй" культур. Фронт двух культур освещен трепетным светом пожаров, вдали громят гумилевские походные флаги и сверкают "шашки наголо". Очень импозантная картина, истинная поэзия.

ОТСТУПЛЕНИЕ О ПОЭЗИИ.

Попробуем разобраться в цветаевском совершенстве статьи Бешенковской. Ее структурная механика проста до резки в мозгу: тезис — антитезис, сталкивающиеся противоположности, избыток бинарных оппозиций. Сюда же: интонационные завалы из тире — пневмограмма нервного дыхания, трепет безмерных страстей, клекот рифменных чувств, хруст камней и скрежет зубовой. Что случайным образом разъясняет привязанность тартусских исследователей к Цветаевой: дело не столько в трепете, сколько в его бинарности /тик-так, систола-диастола/.

Поговорим немного о методе л и р и ч е с к о г о т ы к а. Прекрасный метод, особенно для публициста: копнул наугад — золотой сундук, сады райские! Продемонстрируем, как им пользоваться, на примере другого автора, укрывшегося за литерами М.Ш. В своей статье "Мечты и звуки Евгения Харитонова" /"ЧАСЫ", № 29/ М.Ш. перечисляет три поэтические ветви, из коих, по его мнению, жадными пригоршнями черпает

современная поэзия, и следующим однословьем характеризует поэзию Цветаевой: ш е л к о в а я. Именно так, читатель, не замирай в недоумении. Сейчас узнаешь, как это делается.

Возьми объект исследования, ту же Цветаеву. Вспомни, что о ней известно. Писала стихи о разлуке. Правильно. Традиционная тема цыганских романсов. Любила пушкинских "Цыган". Возможно, и самих цыган: чернявые, кучерявые, и вообще вольные птицы и немного разбойники. Как Пугачев. Хорошо. А теперь скажи, во что одеваются цыгане. Известное дело: в юбки. В пестрые шелковые юбки. Можно сказать, в ц в е т а с т ы е шелковые юбки. Вот-вот. Цветастые — цветаевские — шелковые. Вывод очевиден. Поэзия Цветаевой — шелковая. Что и требовалось доказать, господин учитель. Позвольте сесть. — Садитесь, ученик М.Ш. Ставлю вам кол.

Но это из педагогических соображений, а на деле очень полезный метод. Как лакмусовая бумажка наоборот. С его помощью мы узнали, кем н е б ы л а Цветаева — она не была шелковой. Перед нами курган, который можно не копать: царица покоится в другом месте.

К сожалению, на практике все гораздо сложнее. С.М.Ш. нам повезло случайно: развернувшись на 180° , он указал нам верное направление. А что делать, когда лирик-исследователь выписывает дионисийские вензеля — то под 40° , то под 90° , а то и под все 370° ? Как узнать, где у него кончается метафора, а где начинается концепция, где он живописует свои импрессионизмы, а где просто шутит?

Послушаем Бешенковскую. "В России поэты растут на погостах". Или еще: "Поэты прихотливы только к простору и боли". И многое другое, в том же роде. Как отнестись к этим изящным и безапелляционным фразам? Что видеть в них? Фигуры речи? Исторические факты? Личные мифы? Прекогниции? Ведь нельзя не признать, что ч т о — т о в них есть. Но что? Прислушаемся еще раз. В России. Поэты. Растут. На погостах. Не правда ли? Прихотливы. К простору. И боли. Да, это она: красота. Она обложила нас со всех сторон, как охотники кроликов. Бежать некуда, спасение проблематично.

ВЕЛИКОЛЕПНАЯ ЧЕТВЕРКА.

В сущности, Бешенковская разделяется с кроликами довольно быстро /где-то к 9-й странице/, и если продолжает отчаянную борьбу до конца, то разве что повинувшись инерции лирико-оперного жанра, с получасовой агонией и мимансом воскресшего героя под шумный аплодисмент публики. Но есть в статье и не о кроликах, немного, но есть. В частности, распределены четыре первых поэтических места, розданы медали.

Первый забег, 20-е годы. Здесь в порядке алфавита первенствовала четверка Ахматова-Мандельштам-Пастернак-Цветаева. С чем можно согласиться. Тем более, что "блестящий четырехгранник русской поэзии", десятилетиями утрамбовывался мнением читающей публики, обрета незыблемость звездного неба. Партизанская четверка Кузмин-Хлебников-Вагинов-Введенский с дистанции попросту снята. Допустим. А вот со вторым забегом, 60-е годы, гораздо хуже. Читающая публика еще не успела со своим вердиктом, звезды мерцают, оценки меняются, места перетасовываются, Бешенковская блуждает растерянно среди четырех деревьев, то составляя предварительные четверки, то рассыпая их /Шефнер? Самойлов? Тарковский? Чухонцев?/, и наконец бодрым голосом придает своему выбору статус несомненности: Ахмадулина-Бродский-Вознесенский-Кушнер. Именно так, читатель, напрасно ты протираешь вспотевшие очки.

Как известно, о вкусах не спорят, вкусы навязывают. Не из желания навязать свой вкус читателю или состязаться с Бешенковской, но лишь для сохранения равновесия прибавим к четырем местоблюстителям русского Парнаса-60 еще сорок /для круглого счета/ имен талантливых кандидатов /от Я до А, по алфавиту/:

Ярыгин, Шварц, Шулейко, Чейгин, Цветков, Хвостенко, Харитонов, Феоктистов, Стратановский, Соколов, Седакова, Самойлович, Рындина, Рубинштейн, Пригов, Петров, Парщиков, Охалкин, Ожиганов, Некрасов, Миронов, Р. Мандельштам, Лимонов, Лапинский, Куприянов, Кублановский, Кризулин, Игнатова, Жидков, Жданов, Ентин, Драгомощенко, Гандлевский, Воло-

хонский, Бурихин, Буковская, Бобышев, Аронзон, Алейников, Айги.

Кого-то мы, естественно, забыли, кого-то не знаем; читатель вправе завершить начатую нами работу.

БОЛЬШОЙ ДОМ ПОЭЗИИ

С первой страницы Бешенковская — по камешку, по досочке, по кирпичику, где метафорами, где афоризмами, а где трассирующими швами отточий — выстраивает большой пустой дом современной русской поэзии. Сохраняя полную серьезность, автор сообщает, что для молодой /?/-культуры 80-х годов характерна "безвоздушность пространства, в коем живем" /вероятно, целебный воздух выдают в госиздательствах?/, и тут же, не переводя дыхания, что неофициальная культура занята "спиритическим блужданием в лиловом символистическом ~~шпи~~ космосе". Переведите на русский язык. Укажите поименно. Ничего не понять. А вот характеристики неофициальных поэтов: "Мыльные пузыри иллюзий мерцали в подсознании и метафорах..." /о ком? о Кривулине/, "поток не собственно поэтической, а компьютерно-лирической информации, заколдованная вода без цвета и запаха /о ком? опять не угадали, об Охалкине/ и т.д.

Знакомый нам метод лирического тыка; а в тоне подачи /то ревнующем, то завистливом-неприятном собратьев по перу/ — столь же знакомая психология гражданской войны. Когда же, наконец, мы научимся любить б л и ж н е г о, а не дальнего?

От произведений неофициальной культуры Бешенковская испытывает "гнетущую неудовлетворенность". Без всякого объяснения. Испытывает — и все. На что возразить нечем, тем более, что начитанный читатель, выросший на вечной неудовлетворенности Фауста, без труда проглотит злую неудовлетворенность Бешенковской. От Фауста, вероятно, и пестрящие в характеристиках неофициальной культуры букеты отрицаний, созвездия НЕ-, НИ-, ОТ-, БЕЗ-, придающие ей безнадежно-изгойский облик. Опять чего-то "не досади". Подобный негативизм не только унижает неофициальную культуру, но и привносит в нее аромат "проклятой кормушки", против которой Бе-

шенковская по видимости протестует, но без которой не мыслит, кажется, существование ни культуры, ни поэта.

О боги, боги, как-скучно нам! Скучно в придворном мире политиков и социологов, в пестряди должностных и чиновных лиц. Кто они? Кто мы? Где мы? Все там же, читатель, в благословенной зоне поэзии. "Сторож с математическим образованием", "безмятный каторжник письменного стола" — сколько увядших цветов социальных на грядках статьи Бешенковской. Там блеклая ромашка судьбы, там порывевшая гвоздика бунта. Как жаль эти цветы, которые работают в котельных и сторожках, а хотели бы, если верить автору, служить в редакциях. Или вообще не работать.

ПОЭТ КАК ЧЕЛОВЕК

Так ли велико влияние низко- или высоко- оплачиваемой должности на рост поэтического мастерства? И если невелико, то в чем проблема?

Действительно, многие неофициальные поэты и писатели Ленинграда /в Москве — меньше/ работают сторожами и кочегарами. Но совершенно ясно, что это явление связано с целым комплексом проблем, с психологическим и нравственным обликом человека, а не с однолинейно-слезливым "капусты не дают!". Дело вовсе не в Союзе писателей и не в борьбе за место на Парнасе, как настойчиво твердит Бешенковская, или по крайней мере, не только в них. Что же касается "насилия над индивидом" /окопавшимся в котельной или сторожке/, то говорить о таковом допустимо лишь при условии существования его неотъемлемых прав. В какой книге судеб они записаны? Где авторитетно заявлено, что общество должно с-о-д-е-р-жать поэтов? В какой-такой Декларации прав? Читатель, вероятно, вспомнит золотые времена Возрождения и Просвещения, другие эпохи и страны, когда... — Конечно, — согласимся мы. — Д р у г и е эпохи и д р у г и е страны. Довольно грезить.

Нашу мысль можно довести до абсурда, но мы готовы и на это: Мандельштам оставался поэтом и в Воронеже, Введенский — в Харькове. В те далекие и суровые времена, вспомнить

о которых тоскливо и горько. А в наше время говорить, кажется, не о чем: столь велико безразличие государства к судьбе поэта. Что не может не радовать. Ни ты ему не нужен, ни оно тебе. Какая свобода, какие возможности, какие перспективы! Но не для Бешенковской, с ее психологией социального иждивенчества /государство обязано кормить поэта и издавать его сочинения/, со специфическим отношением к таланту /который понимается не как дар Божий, который Бог дал, Бог и взял, а как личный капитал, на который поэт приобретает социальные, экономические и престижные привилегии/.

.. Безусловно, поэт, как и любой человек, постоянно сталкивается с нелегкими вопросами. Как зарабатывать на жизнь честно? Как делать это, сохраняя энергию и время для творческой работы? Как преодолевать границы "полуголодного существования", не поступаясь нравственным достоинством? Нам знакомы эти вопросы, но, в отличие от Бешенковской, мы, во-первых, не сгущаем чрезмерно краски, во-вторых, никого не обвиняем в существующем положении дел, в-третьих, побуждаем каждого самостоятельно искать решение, а не замскивать перед властями, то приседая в полупоклоне, то брызгая слюной ненависти. Иначе мы никогда не выберемся из заколдованного омута детства — с его доброй маменькой, злой мачехой и запертым буфетом. Поэт /хотя бы в этом отношении/ — такой же человек, как все. К тому же совсем нетрудно представить общество, в котором вообще не принято платить за стихи. Ну и что? Какое поэзии до этого дело? Поэзия нейтральна к знакам денежной оплаты: она не отказывается от них, но и не домогается.

А в общем, все чрезвычайно просто: пишите гениальные стихи, и никаких проблем.

НИКАКИХ ПРОБЛЕМ

— Кое-какие все же останутся, — заметит читатель. — Взять хотя бы распространение стихов. Вы должны согласиться, что... — Опять неладно, — прервем мы. — Может быть, и стихи за вас писать? Возьмите пишущую машинку, бумагу, ко-

пирку и т.д.

Бешенковская истерически оплакивает неофициальную **культуру**, отодвинутую от кормушки и микрофона. Однако, проклиная крольчатник на одной половине листа, на другой половине льнет к нему, полагая нонсенсом духовную деятельность, лишенную государственной поддержки.

Что, собственно, ее угнетает? Что Бродскому не дали для выступления крытый стадион, а Рождественскому дали? Так и Введенскому не дали, и Мандельштаму тож. Что Бродский не стал секретарем СП, а Рождественский стал? Так и Введенский им не стал, и Мандельштам тож. Что Бродский не, а Рождественский да? Так и Введенский не, и Мандельштам тож. Ох, читатель, нелегко расчищать авгиевы конюшни массового сознания /классовый успех, телевизионный имедж/, и мы поглядываем на часы: не пора ли кончать? И уж совсем грустно видеть, как поэт Бешенковская идет на поводке у своего времени, вместо того, чтобы /как положено поэту/ опережать его, или /как подобает частному лицу/ держаться от него в стороне.

Надеемся, читатель поймет нас верно. Голод не лучше сытости, но есть ценности, которые превыше сытости. "Хочу жить красиво. Как Шолохов". Красиво жить не запретишь, но не слишком ли дорого приходится платить за красоту? Что можно посоветовать в данном случае? Почти ничего. Успокоиться. Привыкнуть к тому, что "им" дают много, а "нам" мало. Привыкают же к тому, что на юге жарко, а на севере холодно. Разные климатические зоны. И в конце концов махнуть рукой: какое нам дело до климатических зон?

ТРИУИЗМЫ О ГОСУДАРСТВЕ.

На протяжении всей статьи Бешенковскую не оставляет мысль, что кто-то не дает поэтам жить, преследует их, как волков, отстреливает, и вообще превращает жизнь в чудовищно сложное и опасное предприятие. К сожалению, исторический нюх ее подводит: она путает разные эпохи и не желает видеть очевидного — никто нынче не отстреливает поэтов. Поэты предоставлены себе. Давно изжившее себя партизанское

/утопическое, эсхатологическое/ мышление создает превратную картину мира и порождает искусственное напряжение там, где его могло не быть. В реальном масштабе времени признания автора вряд ли приближат конец света; но нельзя отрицать заразительность "эсхатологической психологии", с ее тревогой, конвульсиями и дурными пророчествами.

В немалой степени эта психология — плод чтения научно-фантастической литературы /"Мы", "Скотный двор", "1984 год" и т.п./ . Возможно, когда-то эта литература верно описывала социально-политическую обстановку в России, но со временем превратилась в "тоталитарное пугало", в идеологическое марево, отучившее читателя глядеть на мир с глазу на глаз, без научных фантазий.

Так, один наш приятель, прослышав в студенческие годы о возрастании энтропии во Вселенной, перестал бриться. "Какой смысл? — говорил он с безнадежностью в голосе. — Какой смысл? Все равно — как, тепловая смерть". Он же, — остерегаясь происков тоталитаризма, двадцать лет терпеливо ждал обыска. Наконец, ему рассказали анекдот о неуволимом ковбое /который неуволим^{не} потому, что быстр, а потому, что никому не нужен/, после чего наш приятель испытал просветление и навсегда избавился от "шмономании".

Бешенковская долго и подробно объясняет, за что государство не любит поэтов. Оказывается, за то, что они не любят государство, не хотят "служить ему" и пр. Смешно было бы ожидать за это любви. Секрет Полишинеля, выданный за последнее откровение. Да, государство не любит анти-государственных и даже а-государственных лиц, но это — исходное условие нашего существования, вроде того, что на каждого человека давит столб воздуха весом в один килограмм. Суть не в том, чтобы сообщать трюизмы о "невыносимых условиях", а в том, чтобы указать людям возможность жить в "невыносимых условиях", оставаясь при этом людьми.

Не меньший трюизм — убийственная критика, с которой Бешенковская обрушивается на официальную культуру. Неужели не очевидно, что официальная культура — в своей основе, по исходному заданию — в н е всякой критики. Нет ничего проще,

чем символически смести ее с лица земли, но и нет ничего бесполезнее, ибо ей от этого ничего не делается. С большей пользой можно избивать резиновую куклу с чертами ненавистного начальника. Но не лучше ли оставить в покое и куклу, и начальника, и заняться — повторяем — своим непосредственным делом: писать стихи, и по возможности гениальные? Это и будет /если уж так хочется драться/ самым чувствительным ударом по СП, и в человеческих масштабах, и с точки зрения вечности.

СНОВА О НЕОФИЦИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ.

Мы не можем выступать от лица в-с-е-й неофициальной культуры /которую понимают широко — как любые private творческие занятия/, а тем более предугадать изгибы ее дальнейшей судьбы, но заметим, что большинство наших знакомых-неофициалов ничуть не похожи на описанных Бешенковской униженных и оскорбленных. Они намного "персоналистичнее" лирического индивидуалиста Бешенковской, для которого крольчатник СП — центр, вокруг которого разбросаны изгои и отверженные. Минимальная втучка у того же Бердяева позволит поменять акценты на противоположные: в центре — творческое Я, на его периферии — всевозможные социальные институты /в том числе СП/.

Дело, конечно, не в том, что кого-то отлучили от крольчатника, а в том, чтобы на основе глубокого и продуманного решения, пропитавшего всю плоть личной жизни и превратившегося во вторую натуру, отлучить крольчатник от себя. И тогда не возникнет желания цепляться за "давно отошедшее", не появятся сожаления о "жизни ветхой". Будет ли афонский отшельник на старости лет жалеть, что когда-то не прошел по конкурсу в МИМО? Отошло, удалилось, потеряло ценность...

Неофициальная культура приобретает под пером Бешенковской поистине фантастические очертания. Не знаешь, что и думать: то ли плод неведения, то ли намеренная карикатура? Например, история возникновения. Несколько поэтов устали порицать официальное искусство, назначили себя Божьими избранниками и приняли экзальтированные позн... — буквально

так! Очень непривлекательный шарж: устали порицать — назначили себя — приняли позы. Слово речь идет не о замечательных поэтах, а о бездарных провинциальных актерах!

"Вторая литературная, не только словца ради, — сомнительность... выработала свои, символически усложненные контр-штампы и анти-трафареты... Получается: бескровная жизнь, то есть — серость..." Куда ни глянь, везде серость, повсюду серость — словно всепроникающая чума. Или у Бешенковской в глазах посерело? О точности ее характеристик мы уже говорили, сейчас нас интересует общая картина.

А картина, мало сказать неприглядная, просто мерзкая. Порядочному поэту на улице выйти невозможно, чтобы не вляпаться во что-нибудь серое. В ресторан Грибоедова завернешь — так вообще с души воротит. Серость довлеет: казенная культура сера по определению, свободная — по описанию. Найдутся, вероятно, изощренные ценители поэзии, которые согласятся с Бешенковской. Все тот же наш приятель, например, жаловался в минуты духовного упадка: "Где современный Хлебников? Приведите сюда Хлебникова, я хочу с ним выпить!" Хлебникова не приводили, приходилось пить одному. И все-таки...

УТОПИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ.

"Кто им /кроликам/ позволил пожирать авторов?" Целая когорта риторических вопросов, на которые Бешенковская, кажется, и не ждет ответа. Ее утопические призывы — не лучше. Заигранная пьеса, в которую не вдохнут жизнь ни игривые телодвижения, ни натуральные плевки. Балаган, ветхий балаган, и клюквенный сок впридачу.

И даже не само утопическое сознание Бешенковской плохо, а то, что оно п а р а з и т и р у е т на государстве, с которым, по видимости, борется. Носитель такого сознания не в силах оторваться от предмета своей ненависти: он очарован им, вживается в него, вовлекается в порочный симбиоз. А ненависть при этом не убывает.

Лирический индивидуалист привык думать, что . о н и держат е г о в тюрьме. Как будто общество, государство или храм /судя по тексту, имеется в виду не Церковь, а

"храм искусства"/ — это ньютоновы коробки, набитые, словно шахматными фигурами, страдающими индивидами. Он забывает, что общество состоит из тех же людей, что вокруг нас не стены, а людские тела и души, что каждый из нас — не только узник, но и чья-то стена, чей-то тюремщик, чей-то палач.

И если Бешенковскую действительно так волнует, что "кролики" отделили храм искусства от государства, и она знает, из кого состоят эго стены, то не лучше ли, чем скорбеть о своей несвободе, заняться работой по устройству храма?

Конечно, воплотить этот замысел нелегко, но никто и не говорит, что воплощение дается легко. Самое малое действие сложнее, рутиннее, неблагоприятнее любой мысли, любого крика обиды. "Они все сделали не так!" Ну, конечно. А мы сделаем так. Чем и займемся.

В деятельности писателя особенно важно сохранить независимость. А для того, чтобы быть независимым, надо жить как можно умереннее и проще... Кто не опасается прдслть на этом пути за чу- дака или оригинала, тот может подражать жизни аскетов, которые довольствовались очень малым и не заботились ни о благо- расположении общества, чувства которого непостоянны и изменчивы, ни о благово- лении правителей, которые упреждены словом апостола и стоят, доколе Христос "передаст царство Богу и упразднит всякое начальство и всякую власть и силу".

Н. Лесков,
Из записных книжек.

.....
§§§§§§§§§§
.....